

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРИМИРЕНИЯ ЯПОНИИ СО СТРАНАМИ-СОСЕДЯМИ¹

Стрельцов Дмитрий Викторович

*Профессор, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН,
заведующий кафедрой востоковедения МГИМО-университета*

Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями, касающиеся итогов Второй мировой войны, по-прежнему остро стоят в международно-политической повестке дня восточноазиатского региона. Положение осложняется отсутствием мирного договора и неудовлетворенностью партнеров Японии результатами послевоенного урегулирования. В Сеуле и Пекине считают, что полноценное примирение с Японией невозможно, так как на официальном уровне с ее стороны отсутствует однозначно отрицательная оценка милитаристского прошлого, а послевоенное урегулирование отношений с ней проводилось без должной компенсации жертвам японской милитаристской политики.

Ключевые слова: Япония, историческая память, «женщины для утешения», наследие Второй мировой войны, примирение, консервативная традиция

THE PROBLEM OF JAPAN'S HISTORICAL RECONCILIATION WITH NEIGHBORING COUNTRIES

Streltsov Dmitry

*Professor, Dr of Sciences, History,
Head of the Department of Afro-Asian studies at MGIMO University*

The problems of the historical past in Japan's relations with neighboring countries related to the results of the World War II are still acute on the international political agenda of the East Asian region. The situation is complicated by the lack of peace treaties and the dissatisfaction of Japan's partners with the results of the post-war

¹ Настоящая статья подготовлена за счет гранта РНФ, проект 19-18-00017.

settlement. Seoul and Beijing believe that a full-fledged reconciliation with Japan is impossible, since on its side there is no unambiguously negative assessment of the militaristic past at the official level, and the post-war settlement was carried out without proper compensation for the victims of Japanese militaristic policy.

Key words: Japan, historical memory and “comfort women”, the legacy of World War II, reconciliation, conservative tradition

Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями, касающиеся итогов Второй мировой войны, по-прежнему достаточно остро стоят в международно-политической повестке дня восточноазиатского региона. Положение осложняется отсутствием мирного договоров и неудовлетворенностью одной из сторон результатами послевоенного урегулирования.

Актуализации проблем военного прошлого способствует рост национализма и усиление роли популизма во внутренней политике стран региона. В более широком смысле новый всплеск интереса к проблемам военного прошлого в стране региона отражает поиск ими своей идентичности, основанный на собственном понимании «справедливости» итогов Второй мировой войны.

В самой Японии оценка наследия Второй мировой войны остается крайне противоречивой и неоднозначной. В стране продолжают дискуссии о том, насколько эта война была справедливой для Японии, какую политику Япония проводила на материке и как следует относиться к довоенному милитаристскому режиму и отдельным его представителям.

В Японии имеется консервативная и прогрессивная традиции в подходе к ее месту и роли во Второй мировой войне [2, р. 363–377]. Консервативная традиция предполагает гламурный взгляд на собственную историю. Как полагают ее сторонники, послевоенное японское государство является преемником довоенной императорской Японии, соответственно, не стоит огульно отрицать все наследие довоенного времени, подводя под ним жирную черту, подобно тому, как послевоенная Германия полностью отмежеввалась от своего нацистского прошлого.

Сторонники этой традиции утверждают, что японская политика военного времени была оборонительной, что продвижение (а не агрессия) Японии на материке была реакцией на политику «белого колониализма» и даже ставила себе целью освободить от

него азиатские народы, что разговоры о японских преступлениях военного времени (Нанкинская резня, «отряд 731», «женщины для утешения» и т.д.) были как минимум преувеличены и лишены доказательных оснований, и что сама Япония стала жертвой правосудия победителей над побежденными. Например, депутат ЛДП и бывший министр обороны Т.Инада, отражая эти взгляды, доказывала, что Японии вела войну «за собственное выживание и в интересах самообороны» [6]. Во многих научных трудах, документах и выступлениях официальных лиц подчеркивается, что на путь войны Японию подтолкнули экономический кризис, а также рост протекционизма и преференциального подхода Запада к мировой торговле. Японские консерваторы утверждают, что действия Японии во Второй мировой войне были законной и необходимой формой самообороны, навязанной Японии западным колониализмом и нефтяным эмбарго США [4, p. 311].

Консерваторы считают, что Токийский процесс не был попыткой расследовать военные преступления, а его главная цель заключалась в демонстрации превосходства над побежденным соперником. Консерваторы также подчеркивают, что японцы, отдавшие свои жизни, являются отцами и дедами нынешнего поколения, а порицать их – значит осквернять память собственных предков (так как в противном случае смерть сотен тысяч японских военнослужащих становилась бы бессмысленной). По их мнению, послевоенный пацифизм Японии означает необходимость «жить в тени собственного поражения», а сейчас уже настало время избавиться от комплекса неполноценности с достоинством и гордостью и восстановить национальную идентичность.

В свою очередь, сторонники прогрессивной традиции в своей риторике акцентируют страдания простых японцев в ходе войны, ставших жертвами милитаристской элиты. По их мнению, гражданское население понесло колоссальные потери от войны, в том числе атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Прогрессивная традиция делает упор на пацифизм, на протест против ядерного оружия, распространившегося в мире после войны. Следует отметить, что «прогрессисты» считают жертвами милитаристского режима в первую очередь самих рядовых японцев, а не другие народы Азии, а потому не считают нужным каяться, испытывая перед этими народами коллективное чувство вины.

В той своей части, которая была связана с ролью СССР в минувшей войне, историческое образование японцев способствовало формированию у целого послевоенного поколения своего рода «комплекса виктимности» - ощущения себя жертвой советского экспансионизма. Японцев учили, что СССР вероломно напал на Японию, нарушив пакт о нейтралитете, действовал в последние дни войны как «вор на пожаре», захватив под шумок исконные японские земли (Южные Курилы), насильственно увез в сибирский плен около 600 тыс. бывших японских военнослужащих, которые, в соответствии с условиями Потсдамской декларации, должны после официально объявленной императором Японии 15 августа капитуляции были быть возвращены «к родным очагам». Поскольку ни СССР, ни современная Россия так в должной мере и не «покаялись» за содеянное, японцы считают ее «недружественным» государством – положительный ответ на вопрос, относится ли респондент «с симпатией» к России, почти никогда не превышали 20%, за исключением короткого периода популярности СССР эпохи Горбачева конца 1980-х – начала 1990-х гг.[8, с.52].

Это в свою очередь создавало японцам чувство психологического комфорта – быть коллективной жертвой всегда приятнее, чем коллективным агрессором. Апеллирование к «комплексу жертвы» со стороны политиков было беспроигрышным ходом, ведь за ним стоял общенациональный консенсус. Например, с начала 1980-х гг., когда произошел новый виток холодной войны, в стране по инициативе правящей партии развернулось массовое движение за возвращение «северных территорий» и был учрежден День «северных территорий», в ходе которого премьер-министр под прицелом телекамер «инспектировал» Южные Курилы, рассматривая их в бинокль с борта пограничного катера. Около 84 млн. японцев (более 80% взрослого населения страны) поставили к 2014 году свои подписи под петицией за возвращение «северных территорий» [1, p.81].

По-иному выглядит Вторая мировая война из Республики Корея. Разногласия по вопросам исторического прошлого явно вышли за рамки чисто академических споров, выплескиваясь на политический уровень и став одной из главных причин периодического ухудшения двусторонних отношений. Создавая деструктивную психологическую атмосферу в двусторонних отношениях,

эти конфликты находят проявление в эмоциональных уличных выступлениях и демонстрациях, взаимном обмене обвинениями со стороны представителей правительства и даже в отзыве послов.

Важнейшей причиной конфликтности по вопросам исторического прошлого является неудовлетворенность южнокорейской стороны условиями нормализации двусторонних отношений с Японией в июне 1965 года, согласно которым стороны отказывались от любых взаимных претензий, связанных с периодом японского колониального правления, при одновременном принятии Японией обязательства оказать южнокорейскому правительству финансовую помощь, обусловив ее целями экономического развития. Многие южнокорейцы считают, что Япония должным образом не раскаялась и не понесла должного наказания за свое колониальное господство в Корее, а реальные его жертвы так и не получили от Токио достойных компенсаций.

Наибольший общественный резонанс среди нерешенных проблем исторического прошлого имеет проблема «женщин для утешения». Наряду с тайваньками, кореянки были главной жертвой системы сексуальной эксплуатации на «станциях утешения» японской императорской армии. Это было связано с тем, что система образования в японских колониях предполагала обязательное изучение японского языка и была ориентирована на воспитание верности императору и уважения к Японии, что создавало чувство культурной близости с Японией и потому облегчало налаживание подобной практики. По некоторым оценкам, в систему сексуального рабства было вовлечено от 80 тыс. до 100 тыс. женщин [5, p.32]. В планировании, создании и функционировании «станций для утешения» систематическое участие принимали японские военные власти, а к принятию соответствующих решений были причастны чиновники министерства внутренних дел, генерал-губернаторы Кореи и Тайваня и японские полицейские чины всех рангов. При этом практика создания «станций для утешения» была повсеместной для всех районов японской военной оккупации. Она представляла собой систему сексуальной, расовой, этнической и экономической дискриминации женщин, которая влекла за собой нарушение их базовых прав и нарушение многочисленных международных законов, в том числе касающихся преступлений против человечности.

Острейшей проблемой двусторонних отношений, связанной с историческим наследием колониального периода, остается также вопрос о компенсациях жертвам подневольного труда на японских предприятиях в годы колониального правления, общее количество которых оценивается примерно в 780 тыс. чел. Корейский суд в 2019 г. принял решение об изъятии активов у японской корпорации Nippon Steel с целью их использования для выплаты компенсации корейцам, которые были вынуждены против своей воли работать на заводах компании во время войны. Япония же утверждает, что этот вопрос был решен соглашением об экономическом сотрудничестве 1965 года, который нормализовал дипломатические отношения с Южной Кореей. В результате напряженность в отношениях стран достигла наивысшей точки за последние два десятилетия.

Около трех четвертей южнокорейских граждан, негативно относящихся к Японии, в качестве главной причины своей нелюбви к Японии называют именно «историческое прошлое». К тому же многие южнокорейцы по-прежнему воспринимают Японию как милитаристскую державу. Например, в ходе одного из опросов общественного мнения, проведенных в июне 2019 года, «пацифистской страной» назвали Японию только 8% респондентов, тогда как «милитаристской страной» около половины опрошенных [3]. Таким образом, отношение большинства южнокорейцев к Японии имеет ярко выраженную эмоциональную окраску, проявляясь в непреходящем чувстве глубокой обиды, не только в связи с «неискупленными» историческими грехами ее островного соседа, но и с нежеланием японцев подобающим образом выражать свое раскаяние. На это накладывается и дополнительная обида за то, что настоящие жертвы уходят из жизни, так и не получив от Японии должных компенсаций (одна из последних жертв сексуальной эксплуатации умерла в конце 2019 года). В Японии же считают, что руководство страны в прошлом уже в достаточной степени выражало свои извинения в связи с историческим прошлым, что проблема материальных компенсаций уже полностью решена и что нынешнему поколению японцев не за что извиняться.

В свою очередь, в Китае считают, что Япония недостаточно покаялась за содеянное, что в стране полным ходом возрождается

милитаризм, оправдываются военные преступники и проводится масштабная ревизия итогов Второй мировой войны. Особенно подогревает антияпонские настроения в Китае приход к власти в Японии политиков правого толка, которые своими заявлениями и действиями демонстрируют намерение, отказавшись от пацифистского наследия, «подвести черту под послевоенным прошлым» и стать «нормальной», т.е. не связанной никакими антимилитаристскими ограничениями, страной.

В качестве примеров приводятся некоторые японские учебники по истории для средней школы, где отсутствует однозначное определение политики Японии на материке в качестве агрессивной; визиты японских официальных лиц в храм Ясукуни, где по официальной версии «покоятся души» японских военных преступников; недостаточное покаяние и неудовлетворительный уровень извинительной лексики в выступлениях японских официальных лиц в связи с годовщинами окончания войны и т.д. Комментарии китайских СМИ напоминают о страданиях китайского народа и об унижениях, которые китайцы терпели от японских империалистов в годы войны.

Как в Китае, так и государствах Корейского полуострова продолжают считать, что полноценное примирение с Японией невозможно, так как на официальном уровне там отсутствует однозначно отрицательная оценка милитаристского прошлого, а послевоенное урегулирование отношений с ней проводилось без должной материальной компенсации жертвам японской милитаристской политики. В Японии же, наоборот, полагают, что официальных извинений, прозвучавших в послевоенный период, уже более чем достаточно, что послевоенному поколению не за что извиняться, так как милитаристские лидеры были осуждены решениями Токийского трибунала и уже искупили вину всего народа, и что постоянное внесение вопроса об извинениях в дипломатическую повестку основано на циничных политических расчетах и не имеет ничего общего с поиском исторической справедливости. На этом фоне восстановление подлинно дружественных, добрососедских отношений Японии со странами-соседями представляется в исторической перспективе маловероятным.

Что же касается современной России, отношение к Японии в ней, в отличие от ее азиатских материковых соседей, никак не

ассоциируется с нерешенными проблемами истории или «историческими обидами». В 2000-2010-е гг. курс был взят на усиление идентичности России как победителя во Второй мировой войне, на акцентирование ее статуса как страны-правопреемника СССР, который выступил одним из демиургов послевоенного мироустройства. Одновременно была концептуализирована ранее невятно звучавшая позиция по поводу вступления СССР в войну против Японии – что это решение было принято на основе положений Устава ООН, направленных на скорейшее завершение войны и имевших правовой приоритет по отношению к любым договорным обязательствам стран-подписантов, включая и советско-японский Пакт о нейтралитете.

Позиция России по единственной из проблем исторического прошлого, оставшейся на повестке дня двусторонних отношений, – проблемы линии границы, стала заключаться в том, что решать ее необходимо на основе Декларации 1956 года. Однако перспектива передачи Японии двух Южно-Курильских островов после подписания мирного договора, даже в соответствии с условиями указанной декларации, не пользуется популярностью среди российских граждан, а ее реализация ударила бы по авторитету российского президента и российской власти в целом. На этом фоне Москва устами министра иностранных дел С.В.Лаврова в качестве базового условия для обсуждения вопроса о выполнении условий декларации, касающихся передачи ей островов, выдвинула условие – что та должна сперва официально признать итоги Второй мировой войны, по которым Южные Курилы перешли под суверенитет СССР [7].

Список литературы

1. Brown J. Japan, Russia and their Territorial Dispute: The Northern Delusion. NY: Routledge, 2016.
2. Dian M. Interpreting Japan's contested memory: Conservative and progressive traditions// International Relations. 2015. Vol. 29(3). P. 363–377.
3. Lindgren Wrenn Yennie, Woo Eun Hee, Hanssen Ulv, Lindgren Petter. The identity politics driving the Japan–South Korea trade war//East Asia Form. 25.11.2019. <https://www.eastasiaforum.org>.

org/2019/11/25/the-identity-politics-driving-the-japan-south-korea-trade-war/(дата обращения 26.06.2020)

4. Pollmann M. Erika. Japan's Security and Historical Revisionism: Explaining the Variation in Responses to and Impact of Textbook Controversies// *Journal of Asian Security and International Affairs*. 2016. Vol. 3. Issue 3. P. 307–336. DOI: 10.1177/2347797016670704

5. Tanaka Yuki. *Japan's Comfort Women: Sexual Slavery and Prostitution during World War II and the U.S. Occupation*. London and New York, 2002.

6. Коно данва хитэйха-но кэйфу (тю) [Откуда появились противники Заявления Коно? Ч.2]// Акахата. 15.10.2014 URL: https://www.jcp.or.jp/akahata/aik14/2014-10-15/2014101502_04_0.html (дата обращения: 25.10.2020).

7. Лавров: Япония должна признать суверенитет РФ над Курилами для заключения мирного договора. ТАСС. 23.11.2019. <https://tass.ru/politika/7184165>

8. Чугров С.В. *Образ России в Японии и образ Японии в России: Рабочая тетрадь 33/2016*. М.: НП РСМД, 2016. URL: <https://russiancouncil.ru/common/upload/Russia-Japan-Paper33-ru.pdf> (дата обращения: 25.10.2020).